

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

В. С. Стариков

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ В МАНЬЧЖУРИИ

Проблема возникновения городов в Маньчжурии до сих пор остается почти неразработанной. По этому сложному вопросу в очень скудной советской географической литературе можно встретить следующее утверждение: «Поселения городского типа начали появляться в Маньчжурии еще во второй половине XVII и в начале XVIII в., когда здесь проводилось усиленное строительство крепостей» [1, 52]. Таким образом, автор этих слов считает, что города здесь появились очень поздно, и совершенно не принимает во внимание ни исторические, ни археологические данные о существовании на территории Маньчжурии поселений городского типа уже в глубокой древности. При этом автор отмечает, что «они строились и заселялись исключительно переселенцами из Китая» [там же]. Это высказывание подкреплено ссылкой на устаревшую работу о Маньчжурии [36, 107]. Однако, обратившись к этой книге, давно ставшей библиографической редкостью, читатель не найдет в ней ничего подтверждающего вышеприведенное высказывание.

Далее тот же автор категорически заявляет: «В Маньчжурии не было маньчжурских городов. Коренное население — маньчжуры — оставалось кочевым, а переходя к оседлому земледелию, быстро ассимилировалось с китайцами» [1, 52]. Вполне естественно, что любой читатель, не знакомый с действительным положением вещей, может согласиться с подобными утверждениями и признать, что кочевники в силу характера своего хозяйства не строили городов и, следовательно, в Маньчжурии их строили именно китайцы, а не маньчжуры, причем строили сравнительно поздно, когда усилилось их проникновение в Маньчжурию. К этой точке зрения примыкают и некоторые советские историки, считающие маньчжуров кочевниками или полукочевниками.

Однако все эти утверждения полностью расходятся с фактами, давно опубликованными как в русской, так и иностранной научной литературе. Но так как последние не были никем обобщены, поэтому, возможно, их не стали принимать во внимание и основательно забыли. В результате возникла неверная точка зрения, утвердившаяся в нашей науке по этим вопросам, столь важным для правильного освещения истории развития материальной культуры китайцев в Маньчжурии, а также самих маньчжуров.

В связи с изложенным выше и насущной необходимостью дать читателю достаточно ясное представление о времени возникновения, этапах развития и этнической принадлежности городских поселений на территории Маньчжурии обратимся к фактическим материалам.

Данные археологии и китайских письменных источников показывают, что коренное население Маньчжурии с глубокой древности занималось земледелием, было оседлым и само строило свои города. В равной мере это относится и к маньчжурам, продолжавшим городские традиции своих предков.

Что же касается китайцев, то они начали строить здесь свои города не в XVII—XVIII вв., а уже в первые века до нашей эры. Это были крепости на захваченном ими крайнем юге Маньчжурии — побережье Ляоси и Ляодуна, которые служили целям колонизации края ханьцами и были оплотом в их бесконечной и ожесточенной вооруженной борьбе с коренным населением страны, упорно не желавшим покоряться захватчикам и уже создавшим к тому времени свои раннегосударственные образования, такие, например, как Фуюй (по-корейски Пуё) и др.

Аборигенные поселения городского типа в Южной и Центральной Маньчжурии начали возникать где-то на рубеже нашей эры. Происходило это путем естественного роста и трансформации некоторых сельских земледельческих поселений в связи с развитием общественно-экономических отношений на основе возникшего здесь плужного земледелия, истоки которого уходят в эпоху позднего неолита и бронзы, что хорошо подтверждают археологические данные [49, 10—12]. Образование и развитие этих городов шло по пути, в общем сходном с обычным путем образования и развития городов в других частях Азии. Некоторые города вырастали и вокруг крепостей-резиденций правителей и племенных вождей. Как правило, все ранние города занимали сравнительно небольшую площадь. Важным стимулом к ускорению этого процесса послужила также агрессия северокитайского княжества Янь, которое начало захватывать земли и возводить крепости на побережье Бохайского залива в первых веках до нашей эры.

Империя Западная Хань (200 г. до н. э.—25 г. н. э.) довольно далеко продвинулась на Ляодун, и северные китайцы имели здесь ряд земледельческих поселений и городов-крепостей, например, Муянчэн на юге п-ова Ляодун [59; 74], Сянпин (Чанпин), построенный при узурпаторе Ван Мане на месте нынешнего Ляояна [29].

Самые же ранние аборигенные поселения городского типа, согласно китайским хроникам, имелись в государстве Фуюй, существовавшем со II в. до н. э. по V в. н. э. в центральной части Маньчжурии [38, 5; 75, 1]. Так, в гл. 115 «Хоу Хань шу» сказано, что у фуюйцев «города обнесены надолбами» [3, 22], а в гл. 30 «Вэй чжи» говорится: «жители оседлы, имеют дворцы и дома, амбары, тюрьмы», у городов «все ограды круглые, имеют похожие на тюрьму выходы» [27, 228—229], в гл. 97 «Цзинь шу» написано: «имеют города и селения, дворцы и дома», «в стране имеется древний город; это город Вэймо» [27, 250—251]. В «Сань го чжи» отмечено, что фуюйцы «городские укрепления делают по кругу наподобие тюрем» [39, 117].

Государство Когурё (кит. Гаогоули) с населением, родственным фуюйцам [17, 176—216; 18], занимавшее с 37 г. н. э. юг Маньчжурии и северо-западную часть современной Кореи, имело несколько десятков городов [30, 566—568; 55, 50—55; 60, 569—571], которые были захвачены или уничтожены вторгшимися войсками китайской империи Тан в 668 г. Столица Когурё находилась на месте современного города Цзиань на р. Ялу. Археологические памятники свидетельствуют о высоком развитии культуры и искусства когурёсцев [8, 10; 61; 64]. Часть когурёсцев бежала на север в земли племен мохэ [51, 753] и способствовала созданию в 698 г. южнотунгусского государства, получившего в 713 г. наименование Бохай ван го [45, 652; 5, 136—137; 37; 65; 68]. В период расцвета бохайское ванство имело пять столичных городов

и округов, куда входили 62 области, разделенные на 125 уездов. Высшая столица была расположена на правом берегу Муданьцзяна, там, где теперь находится обширное городище с остатками дворцовых зданий и буддийских архитектурных памятников, известное под названием Дунцинчэн [46, 407; 39а, 1—10; 386, 198—214]. Государство Бохай «китайцы признавали просвещеннейшим в свое время и страну ученых» [22, IV]. Археологическое обследование, начатое еще русскими археологами, выявило значительное число городов того времени [9, 575—580; 16, 26—28; 33, 581—584], а также погребений [34; 72].

В 926 г. Бохайское ванство было завоевано киданями.

Кидани, народность, сложившаяся из кочевых скотоводческих племен монгольской группы, частично переходивших к оседлости и занимавшихся земледелием, создали обширное централизованное государство [47, 201; 73], в которое кроме современной территории Монголии [40] и Маньчжурии входила еще часть Северного Китая, где на месте нынешнего Пекина была Южная столица, одна из пяти, имевшихся в государстве киданей, согласно системе, скопированной у бохайцев [77]. Необычайно высокий для того времени уровень культуры и искусства в городах империи киданей был тесно связан с созданием двух оригинальных систем морфемно-силлабического письма [54; 76], что способствовало развитию разносторонней национальной и переводной литературы и книгопечатания ксилографическим способом на киданском языке [66а, 11—12]. Во всех городах были школы, а в столицах — высшие учебные заведения. Научную жизнь направляла Академия Ханьлинь.

От киданьского периода [3] сохранились различные памятники архитектуры: величественные подземные императорские мавзолеи с настенными росписями — сокровищами мирового искусства [48, 396—397; 78; 79; 80], буддийские храмы и многочисленные восьмиступенчатые пагоды, достигающие 35—50 м высоты, украшенные скульптурными изображениями и художественной резьбой по мрамору и кирпичу. Гармоничностью форм и изящным декором отличаются пагоды в Ляояне [38а, 67], где находилась Восточная столица, в Цаган Субурга [76; 77, 96—99, 101—115], в современных городах И, Цзинь, Шэньян, Чаоян, Линъюань и вблизи некоторых городищ [38а, 69—77, 80, 95—109], оставшихся на месте киданьских крепостей и городов, разрушенных во время длительной войны, приведшей к уничтожению империи киданей чжурчжэнями в 1125 г.

Созданная чжурчжэнями Великая Золотая империя быстро стала гегемоном Восточной Азии и овладела огромной территорией, включавшей всю современную Маньчжурию и Приморье, восточную часть Монголии и всю северную половину Китая, которую в ходе военных поражений потеряла китайская империя Сун, ставшая на положение вассала и не только выплачивавшая громадную ежегодную дань чжурчжэньскому императору, но даже получавшая от него инвеституру. Подобно киданям, чжурчжэньские ученые создали также две системы морфемно-силлабического письма [26а, 223—228]. На этой основе выросла разнообразная оригинальная и переводная литература, процветало ксилографическое книгопечатание [66а, 12—15]. При поддержке императоров распространялся буддизм; повсеместно возводились величественные храмы и пагоды. Небольшая часть их уцелела в Маньчжурии — в городах Ляоян, Телин, Кайюань и др. [38а, 11, 101, 106—120] и в Северном Китае [67, 60, 70—72]. Для чжурчжэньских и киданьских пагод характерны особенности архитектурного стиля, очевидно отразившего некоторые самобытные черты зодчества этих народов, что заметно отличает их от других пагод в Китае.

При раскопках погребений этого времени в Маньчжурии и Северном Китае были обнаружены прекрасные образцы стенных росписей с религиозной и бытовой тематикой, а также найдено большое количество различных предметов материальной культуры, характеризующих городской быт.

Золотую империю чжурчжэней можно по праву назвать страной городов. Несмотря на сравнительно недолгий период своего существования (1115—1234), она отличалась исключительным обилием построенных заново городов, изучение которых начали русские археологи в 20-х годах XX в. [2, 26—30, 37—40; 25, 53—54; 42, 63—65; 35, 7—14; 43, 4; 71, 1—6; 43а, 37—40; 43б, 41—46]. Развалины этих городов, разрушенных монгольским нашествием, встречаются во всех частях Маньчжурии [6, 36; 7, 43; 11; 16, 29—30; 20; 26, 142—147; 31, 56—61; 32, 46—48; 33, 15—17]. Крупные размеры многих городищ ярко свидетельствуют о пышном расцвете городской жизни, надолго прерванной монголами в XIII в. Об этом, в частности, можно судить по огромному городищу Байчэн, в 40 км к востоку от Харбина, на месте чжурчжэньской Высшей столицы [57; 58]. Эта столица была упразднена после завоевания чжурчжэнями северной половины Китая, когда там была построена новая столица империи на месте нынешнего Пекина, и даже разрушена по приказу императора, чтобы заставить ее упорствовавших жителей переселиться в Северный Китай, куда силой отправляли чжурчжэней. Крупное городище Баличэн (букв. «Восьмиверстное городище») в уезде Чжаодун [6, 36], к западу от Харбина, впервые в 1940 г. обследовал археолог В. В. Поносов и провел там пробные раскопки. Находки были выставлены на экспозиции археологического отдела краеведческого музея в Харбине, который он в то время возглавлял.

Усиление агрессии империи Мин (XV—XVI вв.) привело к новой особенно высокой волне продвижения китайцев в земли вассальных южных чжурчжэней и строительству городов и крепостей на захваченной территории. В наиболее выдвинутых форпостах — крепостях Фуншунь, Телин, Кайюань и др. были размещены сильные китайские гарнизоны. Грозная опасность, надвигавшаяся с юго-запада, вызвала ответную защитную реакцию южночжурчжэньских племен и привела к созданию крупного объединения еще недавно разрозненных и враждовавших между собой мелких владений. Итогом консолидации, ускоренной силой оружия, было создание самостоятельного военно-феодалного государства Маньчжу (Маньчжу гурунь). Возглавил его энергичный и предприимчивый правитель Нурхаци, который принял титул императора и объявил полную независимость от империи Мин. Так, в конце XVI в. впервые появилось общее для всего края и народа новое наименование «Маньчжу».

Сложение маньчжуров в единую народность завершилось в начале XVII в. Одновременно складывался общенародный язык и расцветала самобытная материальная культура [50, 62]. Появилась национальная система письма (маньчжу хэргэнь), и возникла своя оригинальная и переводная литература. Развитие социально-экономических отношений сопровождалось ростом торговли и увеличением численности сельских и городских поселений. Первой столицей был небольшой город Хэтуала на левом берегу р. Суксuhu (маньчж. река больших чаек), носящей теперь китайское название Суцзыхэ, в районе нынешнего города Синцзин, в 135 км к востоку от Шэньяна [20, 1—12]. Источники упоминают десятки городов, имевшихся у маньчжуров еще до начала отвоевывания ими Ляодуна у китайцев: Одоли, Турунь, Гурэ, Шачжи [15, 17], Чжаоцзя, Мардунь [15, 21] и др., а также города соплеменных соседних

владений, присоединенные вооруженной силой,—Хада в 1599 г. [66, цз. 2, л. 16], Ула (с 1608 по 1613 г.), когда была взята крепость Фурха и другие города [66, л. 66], Ехэ, где с 1614 по 1619 г. были захвачены крепости Усу и Кэньтэ, главный город Ехэ и др. [66, л. 66—8а]. В 1610—1612 гг., во время завоевательных походов на владения северочжурчжэньских племен, у племени хурха была взята крепость Чжакута [63, л. 18а], а в землях племен варка и воцзи — г. Нингута и др.

Позднее маньчжуры отняли у китайцев все построенные ими города и крепости к востоку и западу от р. Ляо, а столица государства Маньчжу была перенесена сначала в Ляоян, а затем в Шэньян (Фын-тянь), получивший маньчжурское наименование Мукдэнь хотонь (букв. «город возвышения»).

Значения наименований раннеманьчжурских городов хорошо раскрывают средства маньчжурского языка и этнографии: Одоли означает по-маньчжурски развалины [22, 128], Турунь — знамя с головкой на древке [22, 763], Шачжи — запрет [22, 665], Чжакута — букв. «по восьми» — является также названием рода [22, 874; 28, 85, 109], как и Нингута — букв. «по шести» [22, 228; 28, 86, 107], Хада — скала [22, 874; 28, 99, 106]. Родовыми названиями являются Мардунь [22, 874; 28, 99, 106], Ехэ — круглая головка у стрелы [22, 196; 28, 106], Усу [22, 153; 28, 85, 108].

Многие города, основанные маньчжурами и имевшие чисто маньчжурские названия, со временем стали именоваться по-китайски. Китаизация их наименований происходила по мере заселения этих городов китайцами, которые видоизменяли маньчжурские названия согласно произносительным нормам китайского языка, калькировали их или переименовывали в административном порядке, давая им чисто китайские названия. В неизменном виде сохранились лишь немногие маньчжурские наименования городов, которые по своему слоговому составу точно соответствовали слогам, употребляемым в китайском языке: Хулань (букв. «дымовая труба» и название рода), на реке того же названия вблизи Харбина, вырос из маньчжурского поселения Хулань токсо, возникшего около 1700 г. [62]; Хуньчунь (название рода), Хайлунь (выдра), Айху хотонь (айху — самка соболя) или Айхунь (Айгунь) [69]. Однако древний маньчжурский город Нингута, несмотря на то что его название легко произносится китайцами, был переименован в Нингъань, Лахасусу (букв. «город сомов») в 1910 г. переименован в Тунцзян, Мэргэнь (букв. «мудрый») [24] — в Нуньцзян. Альчука (от альчун — золото), в 40 км к востоку от Харбина [5; 21, 39—57], со временем получил у китайцев транскрипционное название Алэйчукэ, а затем стал сокращенно именоваться Ачэн (букв. «город А»). Уездный центр Дуньхуа вырос на месте древней маньчжурской крепости Акдунь (твердыня), которую китайцы сначала именовали Акэдуньчэн или Аодуньчэн, а в 1882 г. переименовали в Дуньхуа [41, 589]. Баяньсусу (город изобилия, богатства), на левом берегу Сунгари к востоку от Харбина, китайцы сначала называли более кратко Баяньсу [14, 7], а потом просто Баянь. Утверждение, что это название «чисто монгольского происхождения „Баин-усу“ (Богатая вода), но искаженное китайской транскрипцией в Ба-янь-су-су» [41а, 63], неверно. Нижнесунгарийский город, известный у русских под названием Фугдин (маньчж. фукчжинь — начинание, начало, основание чему-либо), китайцы именовали транскрипционно Фукэцзинь, а с 1910 г. сократили в Фуцзинь. Название города Цзямусу является китайской транскрипцией маньчж. гямуси — станционный смотритель, ср. гямунь — почтовая станция. Китайское название города Хэйхэчэн (букв. «город Черной реки»), расположенного на Амуре против Благовещенска, является калькой маньчжурского Сахалынь ула

хотонь (город Черной реки), так же как Саньсин (кит. три рода, фамилии) калька маньчжурского наименования этого города Илань хала хотонь (город трех родов), бывшего центром управления тремя нанайскими родами, обитавшими в этих местах [4]. Еще в 30-х годах XX в. китайцы именовали этот город сокращенно — Илань. Название провинциального центра Цзилинь является китайской транскрипцией маньчжурского Гиринь (от названия р. Гиринь ула).

Все города, построенные по указам маньчжурских императоров, — Гиринь (1673), Айхунь (1683), Мэргэнь (1686), Цицикар, или Наун хотонь (1691), Хуньчунь (1714), Илань хала (1715), Альчука (1729), Лалинь (1732), Хулань (1734), Баяньсусу (1880), Фугдин (1880) и др. — были первоначально заселены маньчжурами, которые и сейчас составляют в них значительную часть населения.

Для городских поселений маньчжуров, обнесенных бревенчатыми стенами, с произвольной планировкой и улицами, мощенными тесаными плахами, характерны черты, отражающие их давно сложившиеся этнические традиции, отличные от китайских, кирпичные стены и правильная внутренняя планировка. Эту характерную особенность еще в середине прошлого века отмечал В. П. Васильев: «Маньчжуры с давнего времени имели укрепления или города; веда постоянно между собой вражду, они избирали для жительства места, укрепленные природой, в горных проходах, у гор, у переправ и, сверх того, самой природе старались пособить еще искусством. В Северной Маньчжурии и теперь, однакожь, стены деревянные» [12, 14]. «Гиринь... лежит на берегу Сунгари, со стороны которой не обнесен стеной, а с прочих обнесен деревянными стенами из соснового дерева; по богатству Северной Маньчжурии в лесу, только такие стены находятся и во всех прочих городах как Гириньского, так и Амурского воеводства, тогда как в Южной Маньчжурии, как и во всем Китае, стены всегда каменные (т. е. кирпичные)» [12, 18—19]. «Нингута... обнесена сосновыми стенами, внутри наполненными землей, высотой в 2 китайских сажени...» [12, 22]. «Чицикар, или Цицигар... обнесен стенами» и тут же в сноске пояснение: «деревянными, внутри наполненными землею» [12, 28]. Избрант Идес (1693) так писал о Цицикаре: «...недавно построенный город Наунко-тон. Он окружен земляными стенами, обшитыми снаружи крепкими бревнами» [23, 174]. В статейном списке посольства Избранта Идеса также указано: «Наунской город построили деревянной...» [23, 346].

В «Описании Нингуты», составленном китайцем У Чэнем в 1722 г., говорится, что «город обнесен в два ряда деревянными стенами» [13, 81]. Далее отмечены «город Мэргэнь, обнесенный деревянными стенами...», «деревянная крепость Букуй...», «деревянная крепость Айхунь...» [13, 109].

Палладий Кафаров, путешествовавший по Маньчжурии в 1870 г., так описывает Гиринь: «Сначала тянулись деревянные заборы, потом следовал внешний город, обведенный валом; он показался мне довольно пустынным; потом мы въехали во внутренний город с большими воротами; улицы вымощены толстыми поперечными досками» [19, 64]. Далее, проезжая через Мэргэнь, он отмечал: «Городская стена выстроенная из бревенчатого тына, за которым, сквозь огромные скважины, видна была земляная насыпь...» [19, 112].

Характерный, именно маньчжурский облик вплоть до середины XX в. сохраняли (по личным наблюдениям автора) не только более отдаленные от крупных центров города — Нингута, Одоли, Омосо, Саньсин (Илань), Фугдин, Мэргэнь и др., но также и ближайшие к Харбину города — Хулань, Шуанчэн, Ачэн (Альчука), Лалинь (последний раз побывал в городах Ачэн и Лалинь осенью 1957 г., и они еще сохра-

няли свои характерные маньчжурские черты). Городские усадьбы маньчжуров, окруженные глухими дощатыми заборами, с массивными деревянными воротами, украшенными затейливой резьбой, настолько резко отличаются от китайских оград из сырцового или обожженного кирпича, дерновин или глины, что придают этим городам их особенный чисто маньчжурский облик, в корне отличный от всех других городов, построенных китайцами. В недавнем прошлом и улицы в этих городах были замощены толстыми тесаными плахами или бревнами, что никогда не наблюдалось в традициях китайских городов [53].

Несмотря на сказанное выше, приведу как курьез парадоксальное утверждение, появившееся в одном из харбинских изданий: «Маньчжурских городов, имеющих свой маньчжурский стиль, в Маньчжурии нет» [36, 107]. К сожалению, автор этого безапелляционного суждения, совершенно не соответствующего действительности, не удосужился съездить ни в один из типично маньчжурских городов, даже из числа расположенных вблизи Харбина, всего лишь в 40—50 км, таких, как Ачэн, Лалинь, Хулань или Шуанчэн. Этот вымысел, к сожалению, был взят без должной проверки и введен в советскую литературу в виде утверждения, что «в Маньчжурии не было маньчжурских городов» [1, 52], причем автором, побывавшим в Маньчжурии в 1945 г. и собиравшим материалы в Харбинском краеведческом музее (бывш. музей Общества изучения Маньчжурского края). Все это лишний раз показывает, насколько мало мы еще знаем Маньчжурию и маньчжуров, которых, кстати сказать, у нас до последнего времени считали уже исчезнувшим народом [52, 74—77].

Приведенные выше факты свидетельствуют о весьма длительных традициях городской жизни в Маньчжурии, где на протяжении почти двух тысячелетий параллельно существовали городские поселения, возводимые как аборигенами, так и пришлым китайским населением, в одних случаях соприкасаясь, в других — совершенно независимо одно от другого. Как и в других частях мира, в ходе этого процесса наблюдались периоды подъема и спада городской жизни. Бурное развитие исторических событий превратило в развалины многие города, но некоторые из них все же продолжали непрерывно существовать в течение нескольких столетий.

Исторические перемены налагали свой отпечаток на облик и устройство городов в Маньчжурии в зависимости от преобладания в них того или иного этноса. Однако разные этнические традиции в развитии и облике городов продолжали сосуществовать до наших дней. Правда, одна из них — маньчжурская — оставалась до последнего времени совершенно неизученной, что и привело к господству односторонних и неверных выводов. Известную роль в этом сыграло внешнее сходство ряда элементов в комплексе поселений при отсутствии должного анализа их генезиса (усугублявшееся к тому же преобладанием китайского языка в жизни маньчжурского города), которое не могло не возникнуть в результате почти двадцативековых контактов двух культур, приводивших к взаимодействию и взаимовлиянию.

При этом нельзя забывать, что все эти процессы происходили не только на территории Маньчжурии и Монголии, куда целеустремленно продвигались китайцы, но и на территории собственно Китая, куда, в свою очередь, в разное время тоже устремлялись массы тунгусо-маньчжуров и монголов, часть которых оседала не только на севере, но и на юге Китая, продолжая жить там и в наши дни [44, 36—38].

Теперь уже нельзя, как это делалось прежде, закрывать глаза на то весьма важное обстоятельство, что упоминавшиеся выше народы алтайской языковой общности, как показывают приведенные краткие

исторические данные, в культурном отношении были далеко не такими дикарями и варварами, как это часто «в силу классовой специфики феодальной китайской историографии» [56, 75] тенденциозно показывали авторы династийных хроник, отражая политические взгляды и устремления правящей верхушки.

Высокий уровень культуры когурёсцев и бохайцев, развитие самостоятельных систем письма и связанный с этим расцвет литературы и искусства в городах киданей и чжурчженей, о чем мы еще недавно почти ничего не знали, говорят о многом и заставляют по-иному взглянуть не только на генезис городских поселений маньчжуров и китайцев в Маньчжурии, но и на развитие в целом материальной культуры северных китайцев, активно контактировавших с этими народами и на своей исконной территории в течение продолжительных периодов времени, несмотря на остро стоявшую проблему национальных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии, М., 1948.
2. Баранов А. Изучение памятников древности Маньчжурии; регистрация памятников древности Маньчжурии.— «Известия общества изучения Маньчжурского края», Харбин, 1923, № 3.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2, М.—Л., 1950.
4. Богаевский, Сан-синское фудутунство, Хабаровск, 1903.
5. Богданов, Ажехинское фудутунство, ч. 1—3, Хабаровск, 1902.
6. Ван Сю-чжи, Хэйлунциан чжаодун сянь баличэн цинли цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках города Бали в уезде Чжаодун, провинции Хэйлунциан),— «Каогу», № 2, 1960 (на кит. яз.).
7. Ван Цзэн-синь, Ляонин суйчжун сянь чэнхоуцунь цзинь юань ичжи (Памятники периодов Цзинь—Юань у деревни Чэнхоу в уезде Суйчжун в провинции Ляонин),— «Каогу», № 2, 1960 (на кит. яз.).
8. Ван Цзэн-синь, Ляонин фушунь ши цяньюнь вахуйму гаогоули му фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках когурёских погребений у деревень Цянь и Вахунму вблизи города Фушунь в провинции Ляонин),— «Каогу», № 10, 1964 (на кит. яз.).
9. Ван Чэн-ли, Цзилинь дуньхуа муданьцзян шанью бохай ичжи дяоча цзи (Записки об археологической разведке бохайских памятников в верхнем течении Муданьцзяна в уезде Дуньхуа в провинции Цзилинь),— «Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
10. Ван Чэн-ли, Хань Шу-хуа, Цзилинь цзиань тунгоу ди шиэр хао гаогоули бихуа му (Когурёская могила № 12 со стенописью в Тунгоу, уезд Цзиань провинции Цзилинь),— «Каогу», № 2, 1964 (на кит. яз.).
11. Ван Юн-сян, Хазрбинь дун цзяо-ды ляо цзинь ичжи хэ му цзан (Городище и погребение периодов Ляо-Цзинь в восточном предместье Харбина),— «Каогу», № 2, 1960 (на кит. яз.).
12. Васильев В. П. Описание Маньчжурии,— «Записки ИРГО», кн. XII, СПб., 1857.
13. Васильев В. П. Записки о Нингуте,— «Записки ИРГО», кн. XII, СПб., 1857.
14. Горланов Т. Ф. Город Баяньсу,— «Экономический бюллетень», Харбин, № 3—4, 1928.
15. Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома,— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I, Пекин, 1909.
16. Дань Хуа-ша, Сунь Сю-жэнь, Муданьцзян чжун ся ю каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологической разведке в среднем и нижнем течении Муданьцзяна),— «Каогу», № 4, 1960 (на кит. яз.).
17. Жарылгасинова Р. Ш. Когурёсцы, Историко-этнографический очерк,— «Труды ИЭ АН СССР», нов. сер., т. XXII, 1960.
18. Жарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы, М., 1972.
19. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 году архимандрита Палладия, СПб., 1872.
20. Железняков К. А. Первый император маньчжурской династии Да-Цин Нурхаци и его первая столица Хэтуала,— «Натуралист Маньчжурии», Харбин, ноябрь, 1937.
21. Жернаков В. Н. Уезд Ачэн,— «Вестник Маньчжурии», № 5, Харбин, 1934.

22. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. Предисловие, СПб., 1875.
23. Избрант Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695), М., 1967.
24. Ижидкий, Мэргэньское фудутунство, Хабаровск, 1902.
25. К регистрации памятников старины в окрестностях г. Харбина,—«Натуралист Маньчжурии», Харбин, ноябрь 1937.
26. Кан Цзян-син, Цилинь цзютай шанхэвань каогу дяоча (Археологические разведки в районе Шанхэвань в уезде Цзютай в провинции Цилинь),—«Каогу», № 3, 1961 (на кит. яз.)
- 26а. Кара Д., Кычанов Е. И., Стариков В. С. Первая находка чжурчжэньских рукописных текстов на бумаге,—«Памятники эпиграфики Востока», М., 1972.
27. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
28. Лебедева Е. П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII веков,—«Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 132, Л., 1957.
29. Вэнь-синь, Ляоян саньдаохао си хань цунь ло ичжи (Раскопки деревни периода Западной Хань в Саньдаохао вблизи г. Ляоян),—«Каогу сюэбао», № 1, 1957 (на кит. яз.).
30. Ли Дянь-фу, Шэн боугуань цзай цзиань цзиньсин каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологической разведке, проведенной провинциальным музеем в уезде Циань),—«Цзилинь жи бао», 12.VIII.1962 (на кит. яз.).
31. Ли Цзянь-цай, Чжан Мань-тин, Цилинь шэн жин го фуюй дэхуй каогу дяоча (Археологические разведки в уездах Передний Горлос, Фуюй и Дэхуй в провинции Цилинь),—«Каогу», № 1, 1961 (на кит. яз.).
32. Ли Цзянь-цай, Цилинь тахучэн дяоча цзянь цзи (Краткие записки о разведке городища Таху в пров. Цилинь),—«Каогу», № 1, 1964 (на кит. яз.).
33. Люй Цзунь-лу, Нунцзян ся ю цзо ань каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологическом обследовании левого берега нижнего течения р. Нонни),—«Каогу», № 4, 1960 (на кит. яз.).
34. Люй Цзунь-лу, Хэйлунцзян Нинъянь Линькоу фасянь-ды гу му цзан цюнь (Массовые древние погребения, обнаруженные в уездах Нинъянь и Линькоу провинции Хэйлунцзян),—«Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
35. Макаров В. С. Монеты с развалин древних городов в Сев. Маньчжурии,—«Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», 1946, № 3.
36. Маньчжурия. Экономическо-географическое описание, ч. I, Харбин, 1934.
37. Матвеев З. Н. Бохай (Из истории Восточной Азии VIII—X вв.),—«Труды ДВ Гос. ун-та», сер. 6, № 8, Владивосток, 1929.
38. Меньшиков П. Краткий исторический очерк Маньчжурии,—«Вестник Азии», Харбин, № 42, 1917.
- 38а. Накамура Рихэй. Мансю но бидюцу (Искусство Маньчжурии), Токио, 1941 (на яп. яз.).
- 38б. Окладников А. П. Остатки Бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Му-даньцзян,—«Советская археология», № 3, 1957.
39. Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань го чжи»),—«Проблемы востоковедения», № 1, 1961.
- 39а. Поносов В. В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзинчэна,— в кн.: «Tung-ching-cheng, Report on the Excavation of the Site of Capital of Po-hai», Tokio, 1939.
40. Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории МНР,— в кн.: «Монгольский археологический сборник», М., 1962.
41. Северная Маньчжурия. Отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг., Гириная провинция, т. I, Харбин, 1916.
- 41а. Северная Маньчжурия... Хэйлунцзянская провинция, т. II, Харбин, 1918.
42. Стариков В. С. Развалины вдоль среднего течения р. Лалинь,—«Сборник научных работ пржевальцев», Харбин, 1942.
43. Стариков В. С. Результаты археологической экскурсии по долине реки Цунхэ (уезды Вэйхэ и Учан, пров. Сунцзян),—«Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», № 3, 1946.
- 43а. Стариков В. С. Развалины города в устье реки Хулань пров. Сунцзян,— там же, № 8, 1950.
- 43б. Стариков В. С. Краткий список памятников старины исторического периода в Гириной провинции,— там же.
44. Стариков В. С. Современное положение монголов в Южном Китае, ч. I. Монголы в провинции Юньнань,—сб. «Материалы по этнографии», вып. 1, Л., 1961.
45. Стариков В. С. Бохай,—«Советская историческая энциклопедия» (далее: СИЭ), т. 2, М., 1962.
46. Стариков В. С. Дунцзинчэн,— СИЭ, т. 5, М., 1964.
47. Стариков В. С. Кидани,— СИЭ, т. 7, М., 1965.

48. Стариков В. С. Кидани,— Краткая энциклопедия «Искусство стран и народов мира», т. 2, М., 1965.
49. Стариков В. С. Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии, автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, Л., 1966.
50. Стариков В. С. Маньчжуры,— СИЭ, т. 9, М., 1966.
51. Стариков В. С. Мохэ,— СИЭ, т. 8, М., 1966.
52. Стариков В. С. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собрании МАЭ,— в кн.: «Культура народов зарубежной Азии», Л., 1969.
53. Стариков В. С. Городские поселения маньчжуров. Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г. ЛО ИЭ АН СССР, Л., 1969.
54. Стариков В. С. Формальный анализ функциональной структуры текста. Материалы по дешифровке киданьского письма, кн. I, М., 1970.
55. Су Цай, Цилян Цзиань гаогули цзяньчжу ичжи-ды цинли (Раскопки когурёских архитектурных памятников в уезде Цзиань, провинции Цилян),— «Каогу», № 1, 1961 (на кит. яз.).
56. Тихвинский С. Л. Маньчжурское владичество в Китае,— сб. «Маньчжурское владичество в Китае», М., 1966.
57. Толмачев В. Я. Древности Маньчжурии. Развалины Байчэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг., Харбин, 1925.
58. Толмачев В. Я. Бай-чэн. Строительные материалы, архитектурные украшения и другие предметы с развалин Бай-чэна. По данным разведок 1925—1926 гг., Харбин, 1927.
59. Толмачев В. Я. Mu-Yang Ch'eng. Han and pre-Han Sites et the Mount Lao-tieh, South Manchuria,— «Вестник Маньчжурии», № 1, 1933.
60. Фан Ци-дун, Цилян Цзиань гаогули баванчао шань чэн (Когурёский горный город Баванчао в уезде Цзиань),— «Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
61. Цао Чжэн-чжун, Чжу Хань-кан, Цилян Цзиань юйлинхэ лююй гаогули гу му дяоча (Разведки древних когурёских погребений в долине реки Юйлинхэ в уезде Цзиань провинции Цилян),— «Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
62. Цецерин А. Результаты поездки по Хулан-ченскому фудутунству, Владивосток, 1902.
63. Цилян тунчи (Описание провинции Гиринь), [б. м.], 1898 (на кит. яз.).
64. Цилян цзиань укуйфэнь сы хао хэ у хао му цинли люе цзи (Краткие записки о раскопках могил № 4 и № 5 в Укуйфэнь в уезде Цзиань провинции Цилян),— «Каогу», № 2, 1964 (на кит. яз.).
65. Цзинь Юй-фу, Бохай го чжи чан бянь (Полное собрание сведений о государстве Бохай), тт. 1—X, Ляоян, 1934 (на кит. яз.).
66. Цин тайцзу ухуанди нуэрхади шилу (Правдивые записи о правлении цинского Тайцзу Ухуанди Нурхади), Бэйпин, 1932 (на кит. яз.).
- 66а. Чжан Сю-минь, Ляо цзинь си ся кэшу цзянь ши (Краткая история ксилографического книгопечатания в Ляо, Цзинь и Западном Ся),— «Вэньбу», № 3, 1959 (на кит. яз.).
67. Чжунго цзяньчжу (Архитектура Китая), Пекин, 1957 (на кит. яз.).
68. Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Л., 1968.
69. Шкуркин П. В. Город Хулань-чэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии, Никольск-Уссурийск, 1903.
70. Щедрин, подполковник, Айгунское фудутунство, Хабаровск, 1903.
71. Яковлев Л. М. Исторические памятники времен империи Цзинь по долине реки Ашихэ.— «Записки ХОЕиЭ», № 3, 1946.
72. Янь Вань-чжан, Бохай чжэн хуй гунчжу му бэй-ды яньцзю (Изучение надгробного памятника бохайской принцессы Чжэн Хуй),— «Каогу сюебао», № 2, 1956 (на кит. яз.).
73. Gabelentz H. C. Geschichte der Grossen Liao, S.-Petersbourg, 1887.
74. Mu-Yang Ch'eng, Han and pre-Han Sites at the Foot Mount Lao-tieh, South Manchuria,— «Archaeologia Orientalis», Tokyo, 1932.
75. Shiratori K. The Legend of the King Tung-ming the Founder of Ku-yu-kuo, The Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library), № 10, Tokyo, 1938.
76. Starikov V. S. Catalogue of Graphems of the Kitan Script, M., 1966.
77. Tamura J. The Nature of the Five Capitals of the Liao Empire,— «Asiatic Studies in Honour of Toru Haneda», Kyoto University, 1950.
78. Tamura J. and Kobayashi Y. Tombs and Mural Paintings of Ch'ing ling Liao Imperial Mausoleums of Eleventh Century A. D. in Eastern Mongolia, vol. 1, 2, Tokyo, 1953.
79. Torii R. Illustrations of Archeology, Supplementary to «Culture of Liao Dynasty from Viewpoint of Archaeology», vol. 1—4, Tokyo, 1936.
80. Wittfogel K. A. and Feng Chia-sheng, History of Chinese Society Liao (907—1125), Philadelphia, 1949